

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 2-го Октября 1911 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 10414.

ШВЕЯ.

(Набросокъ).

Еще одинъ день—и я покину скучный и пыльный поселокъ. Уйдеть широкая проѣзжая дорога съ маленькими рабочими домиками, исчезнуть, чтобы никогда не воскреснуть въ памяти, грязные ребятишки, которыя я дарила игрушки, и только, быть можетъ, широкія поля, лежащія за поселкомъ, не позволяютъ забыть о себѣ. Отсюда я уѣзжаю къ синему морю, голубому небу, яркой зелени, въ тѣ мѣста, дѣ еще никогда не бы зала, и которая манятъ меня къ себѣ давно, давно... И потому хлопоты, такія нудныя обыкновенно, кажутся мнѣ полными прелести и наслажденія.

Уже солнце бросаетъ послѣдніе лучи на маленькие сгорбленные домики, чахлую зелень и сѣрую отъ песка улицу, когда я вспоминаю, что мнѣ нуженъ чехолъ на чемоданъ. Я начинаю упрекать себя за всегдашнюю разсѣянность, но теперь вмѣсто досады эта оплошность веселитъ меня.

Герцогъ Абруцци,

начальникъ итальянской эскадры, крейсирющей у береговъ Албании.

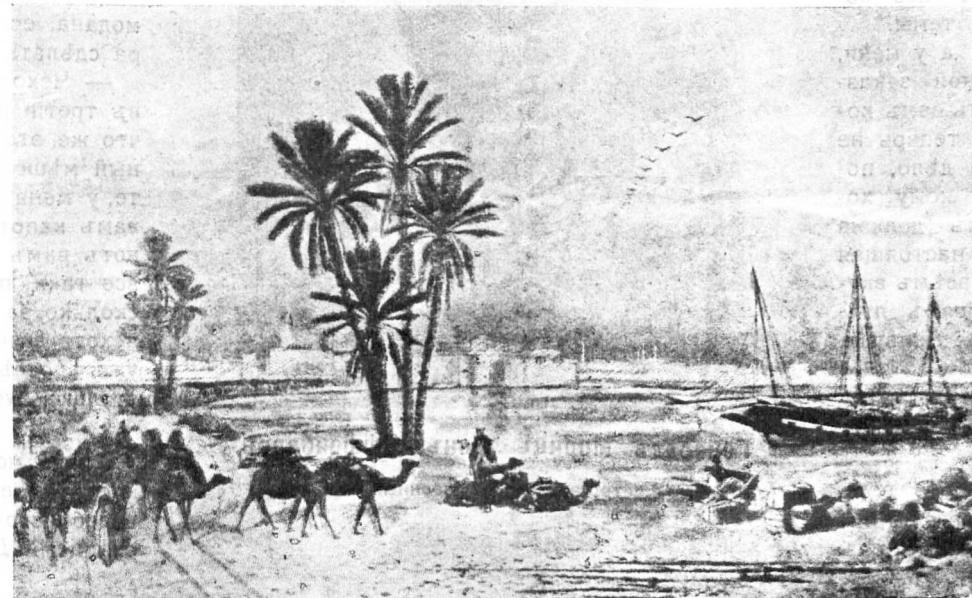
Я одѣваюсь и выхожу на улицу въ поискахъ портнихъ, добросовѣстно погружаю ноги въ песокъ и не сержусь на ребятишекъ, которые высмѣивають мой городской костюмъ.

— Ишь, якъ ноги перепутала, кричать они мнѣ, хотя я совсѣмъ не чувствую этого за собой.

— А на голови шо воно таке, тычутъ дѣвчонки пальцами на мою скромную маленькую шляпу.

И я, порядкомъ таки смущаясь, виновато, точно согрѣшила противъ этихъ дѣтей природы, опускаю голову.

Война Италии съ Турцией.

Городъ Триполи.

Адмиралъ Аубри,

начальникъ оккупационной эскадры, начальникъ

Все кажется мнѣ втакимъ мильмъ и совсѣмъ не противнымъ, какъ раньше. Я заворачиваю въ смрадный узкій переулокъ и вижу длинную заржавленную вывеску, на которой, криво, улыбаясь, изображена женская фигура во весь ростъ и сбоку выписано: "Моды платья". Большая, черная лохматая собака, какихъ показываютъ въ зоологическомъ саду, довольно миролюбиво пропустила меня, и я вошла въ маленькую чистую хатку.

— Вамъ кого?— спросила меня дѣвочка лѣтъ пяти, держа высоко, почти надъ своей головой, ребенка.

— Мне нужна модистка.

— Ушла мамка. Къ лавочницѣ пошла юбку и кофту мѣрить, не скоро, вѣрно, вернется, больно ужъ лавочница придиричива..

Я смотрѣла на это маленькое существо и думала о томъ, какъ она уже знаетъ жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ не испорчена ею. Бѣдная дѣвочка! Какъ чуждъ ей былъ городской обманъ, когда заставляютъ ждать часами, увѣряя, что вотъ-вотъ придетъ хозяйка. Погруженнная въ эти мысли, я возвращалась обратно и почти ужъ рѣшила обойтись безъ свое го заказа, какъ вдругъ сзади себя услыхала голосъ:

— Здравствуйте...

Предо мною стояла маленькая сморщенная женщина, еще совсѣмъ молодая. Черные волосы выбивались изъ подъ ситцеваго платка, а вся фигура была какою то жалкой, растерянной.

— Здравствуйте,— отвѣтила я, хотя никогда не видела ея.

Но она не слыхала привѣтствія и по токомъ словъ обрушилась на меня.

Маркизъ Санъ-Джульяно,

итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

— Когда живешь на углу, такъ что вы думаете, видишь всѣхъ, кто проходитъ мимо, хоть они и не комѣ идутъ, все равно, хотя ко мнѣ тоже ходятъ, дѣла слава Богу, совсѣмъ не мало, но почему не имѣть лишнюю заказчицу, а я вижу, вы идете къ Чернѣцкѣ, а когда же живешь на углу, какъ я вамъ уже говорю, такъ я видела, что она ушла къ лавочницѣ... Ну, а если къ лавочницѣ, такъ ужъ такъ скоро она не вернется! Лавочницѣ работать, такъ я и дождѣть не хочу до этого: то ей широко въ плечахъ, то ей узко въ грудяхъ...

Такой заказчицы, я вамъ говорю, я и за десять рублей не возьму, но пусть, Черниха за нее дралась, такъ пускай теперь мучится съ ея капризами...

Женщина, повидимому, говорила безъ всякой связи съ тѣмъ, что ей хотѣлось мнѣ сказать, а отвѣчая собственнымъ своимъ мыслямъ, которая, быть можетъ, уже давно давно хотѣлось ей высказать кому нибудь. И несмотря на то, что я уже нѣсколько разъ пыталась прервать ее, она продолжала, все болѣе увлекаясь и удаляясь отъ темы.

— ...Пусть, пусть терпить, а у меня, знаете, такой характеръ: всякой заказчицѣ дѣлать по ея вкусу. Пусть вамъ хочется платье при талии, пусть теперь не носятъ при талии—это не мое дѣло, потому что я дѣлаю такъ, какъ кому хочется... Короче говоря, я вамъ должна сказать, что это, вѣдь, и есть настоящая модистка, которая дѣлаетъ по всѣмъ вкусамъ, а не по своему. И, что вамъ лучше, я скажу въ двухъ словахъ: живу я, чтобы угоддать...

— Но мнѣ не надо платья, наконецъ, ворвалась я въ ея рокотъ, мнѣ нуженъ чехоль для...

— Чехоль?... Зайдемте ко мнѣ, вотъ сюда, рукой подать, чехоль, правда, я никогда не дѣлала; бываютъ, положимъ, раз...

Генералъ Морицъ фонъ-Ауффенбергъ,

новый австро-венгерскій военный министръ.

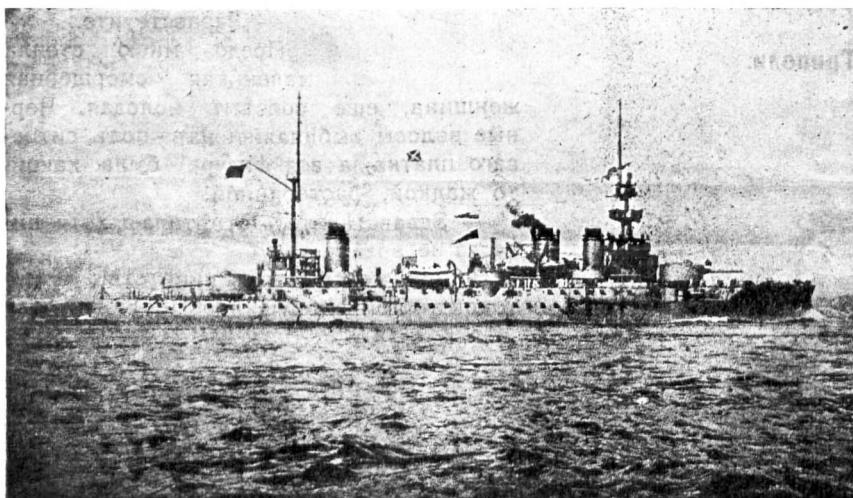
— Вы уѣзжаете?! Отчего же вы мнѣ раньше не сказали? Я думала—вы жена доктора, остаетесь здѣсь... Такъ знаете таки что я вамъ скажу? Вы для меня таки не интересная заказчица.

Мнѣ становилось безотрадно тяжело, хотѣлось просто безъ всякихъ объясненій уѣхать далеко отъ этой каморки, отъ взгляда жадныхъ, голодныхъ глазъ. Низкій потолокъ комнатушки давилъ меня, и я поднялась съ табурета.

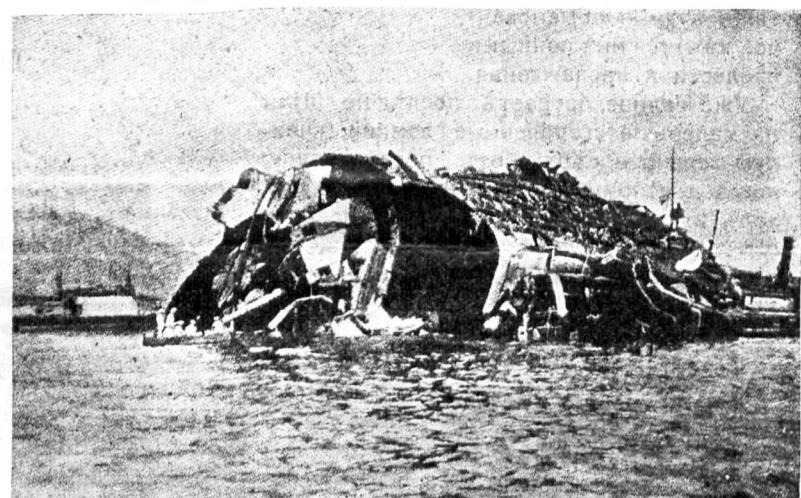
— Мнѣ нуженъ былъ чехоль для чемодана, если вы можете до завтра вечера сдѣлать его, такъ возьмите...

— Чехоль для чемодана? — чуть ли не въ третій разъ переспросила она меня,— что же, это просто мѣшокъ, четырехугольный мѣшокъ. На завтра вамъ... Вы знаете, у меня работы много, слава Богу; вотъ вамъ каштъ для кассирши изъ пекарни, вотъ вамъ блузочка для фельдшерки, но все таки почему не взять? я возьмусь... сколько за работу? Сколько положите... я хотя дешево не беру, не какая-нибудь ужъ послѣдняя, но сколько положите, столько пускай будетъ...

Синее море предъ мною. Плавно баюкаетъ маленький катеръ. Далеко, далеко серебристо-голубые облака тонутъ за склонами Демерджи... А тамъ еще даль-

Французскій броненосецъ „Liberté“, погибшій близъ Тулона.

Остатки погибшаго броненосца „Liberté“.

Коммерціи совѣтникъ В. Д. Коншинъ.

По случаю 70-тилѣтія его общественной и коммерческой дѣятельности (см. „Юж. Кр.“ отъ 28 сентября т. г.).

ные чехлы: чехоль для дивана, для кресла, бываетъ для скрипки, но это уже будетъ труднѣе, потому тамъ разныя извилины, вырезки, но кто умѣеть шить, тотъ можетъ сдѣлать все, надо только знать для чего и какъ его..

Мы зашли черезъ маленькую дверь въ укутанную сгущающимися сумерками комнату. Пахнуло сырымъ, затхлымъ воздухомъ, и я остановилась на порогѣ.

— Маничка, зажги тамъ свѣчку, крикнула моя спутница, обращаясь къ худой, тонкой дѣвушкѣ.— Вы знаете, у меня ребенокъ, съадкій такой ребенокъ, но шалунъ такой ужасный: возьметъ играться, такъ непремѣнно стаканъ, не стаканъ такъ стекло. Вчера только, вы повѣрьте мнѣ на слово, вчера только купила стекло, такъ сегодня онъ уже его разбилъ, а я развѣ обѣ этомъ только думаю, ну и остались на вечеръ безъ стекла.. Но, я думаю, вы не обидитесь и при саѣчкѣ... Маничка.. а вотъ уже.. Ну садитесь, ходите журналы, вотъ вамъ журналы, не думайте, хоть мы и не въ городѣ живемъ, но журналы у насъ самые первые... а если вамъ...

— Простите, но я вамъ уже говорила, что мнѣ не платье нужно, а чехоль, такъ какъ я завтра уѣзжаю...

Сенаторъ М. И. Трусеевичъ,

ревизующій киевское охранное отдѣленіе.

ше красавецъ Чатыръ-Дагъ стоитъ и словно нѣжно стережетъ морской прибой.. Какая красота, какъ прекрасна жизнь! И душу наполняетъ мягкое счастье, точно пушистый бархатъ неба вошелъ въ нее, точно кто-то поетъ чуть слышныя нѣжныя пѣсни...

И вдругъ какъ будто кто-то шепчетъ мнѣ: "...я живу, чтобы угощать..."

Яркій, очаровательный горизонтъ за-слонила каморка, освѣщенная огаркомъ свѣчи; страдающее, возбужденное лицо, искривленное искусственной улыбкой въ гримасу, смотреть на меня...

Баюкаютъ волны. Свѣтить солнце, облака смѣются миллиардами улыбокъ, счастливые, вѣчные...

— Вы плачете? Что съ вами? Разстроила красота?... И моя сосѣдка съ удивлениемъ смотрѣть на меня.

А вокругъ тихо-тихо падаютъ волны одна за другой, какъ будто играясь, и на горизонтѣ виднѣются горы-великаны, словно властныя, всесильныя...

Э. Грунина.

СМѢСЬ.

Изъ сказокъ дѣйствительности.

Жизнь порой далеко оставляетъ по-зади самыя смѣлые измышенія романистовъ. Особенно изсбилиутъ такими невѣроятными анекдотами американская жизнь. Исторія нью-йоркскаго профессора химіи Робинзона составляетъ наглядный образчикъ такого смѣлого разбѣга житейской анекдотики. Закоренѣлый холостякъ, онъ и въ самыx смѣлыхъ своихъ помыслахъ не допускалъ для себя возможности женитьбы. Недавно онъ былъ приглашенъ въ Санъ-Франциско для прочтенія ряда лекцій по химіи. Возвратившись въ Нью-Йоркъ, онъ на вокзалѣ нанялъ извозчика и по ошибкѣ взялъ съ собой чужой дорожный чемоданъ. Но каково было изумленіе профессора Робинзона, когда онъ дома открылъ че-

ИТАЛЬЯНСКІЙ МАНДОЛИНИСТЪ
Эрнесто Рокко.

(Къ предстоящему концерту въ Харьковѣ 5 октября с. г.).

ГОЛОДЪ ВЪ СИБИРИ.

Семья вдовы, идущей "на урожай". Въ запряжкѣ жеребенокъ по второму году и два мальчика на пристяжкѣ; сзади старшій сынъ, упавшій отъ истощенія.

Крестьянинъ съ семьей, идущій "на урожай".

моданъ, и глазамъ его предстала изящная металлическая урна, на которой золотыми буквами было вырѣзано печальное оповѣщеніе

"Георгъ Уайтъ отшелъ въ лучшій міръ въ 1910 году".

"Что за притча епонятная?"—съ широкомъ раскрытыми отъ изумленія глазами сказалъ профессоръ и долго такъ простоялъ передъ урной въ позѣ напряженной задумчивости

Въ тотъ же день тяжелая сцена разыгралась въ квартирѣ вдовы Уайтъ. Несчастная женщина, найдя въ дорожномъ чемоданѣ нѣсколько паръ заношенныхъ носковъ вместо урны съ прахомъ любимаго мужа, испустила слабый крикъ испуга и упала безъ чувствъ на полъ.

Къ счастью, нью-йоркская полиція пустила въ ходъ всю свою энергию и на слѣдующій день г-жѣ Уайтъ доставлена была урна съ прахомъ мужа. Оказалось, что дорожные чемоданы

Робинзона и г-жи Уайтъ были куплены въ одномъ магазинѣ и носили клеймо одной и той же фабрики. Тонко воспитанный профессоръ не замедлилъ лично принести извиненія вдовѣ за причиненное ей беспокойство. Молодая вдова, въ самой цвѣтущей порѣ, произвела на него обаятельное впечатлѣніе. Подъ томной лаской ея глазъ, блестѣвшихъ слезами глубокаго горя, растаяло сердце убѣжденнаго холостяка, и онъ, какъ говорилось въ доброю старину, сдѣлалъ ей предложеніе руки и сердца. На-дняхъ состоится ихъ бракосочетаніе.

Группа артистовъ харьковскаго опернаго товарищества. Сезонъ 1911—1912.

Берлинки, состязающіяся въ бѣгѣ.

Чтобы доказать, что берлинки ни въ чемъ не отстаютъ отъ берлинцевъ, 17-го сентября „Общество тѣлеснаго развитія“ въ Берлинѣ было устроено состязаніе въ бѣгѣ для женщинъ, воспроизведенное на нашемъ снимкѣ. Берлинки бѣжали быстро, — но побѣдили лишь самихъ себя. Удастся ли имъ опередить берлинцевъ? Но во всякомъ случаѣ такой бѣгѣ для тучныхъ стоить поѣздки въ Карлсбадъ.

Процессія женщинъ-профессоровъ въ Эдинбургѣ.

Въ странѣ суффражистокъ женщины-профессора насчитываются не единицами: ихъ достаточно, чтобы организовать цѣлую процесію. Такое любопытное ществіе представлено на нашемъ снимкѣ. Эти женщины-профессора участвовали въ празднествѣ, устроенномъ университетомъ св. Андрея въ Эдинбургѣ. Большая часть ихъ занимаетъ каѳедры уже много лѣтъ, съ честью подвизаясь на ученомъ попришѣ.

Къ постановкѣ комедіи Бара „Отцы и дѣти“ въ городскомъ театрѣ.

Професоръ (г. Баратовъ). Старый графъ (г. Эйке). Лакей (г. Урванцевъ).

(Рис. М. Гр—га).